

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

ЛИССНЕР – ОТРАЖЕНИЕ ЗОРГЕ

А.Г. Фесюн

Кафедра цивилизационного развития Востока

Отделение востоковедения

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Малый Трехсвятительский пер., 8/2, Москва, Россия, 109028

В данном материале представлена биография и деятельность немецкого разведчика Ивара Лисснера – человека, практически повторившего жизненный путь советского разведчика Рихарда Зорге, работавшего в дальневосточном регионе в 30–40-е гг. XX в.

Ключевые слова: Германия, фашизм, Япония, СССР, разведка, Абвер, Рихард Зорге, Манчжурия, Китай.

На одной из конференций, посвященных деятельности советского разведчика Рихарда Зорге, я стал невольным свидетелем разговора, в ходе которого почтенный японский исследователь спросил своего младшего коллегу: «Вы не знаете имени “Лисснер”? Тогда что вы здесь делаете?»

Мне стало очень стыдно, ведь и я не слыхал об этом человеке, но оказалось, что в своем невежестве я не одинок – российские исследователи также по какой-то причине обходили это имя молчанием или ограничивались краткими упоминаниями. Помощь пришла с японской стороны; оказалось, что, по настоянию ныне покойного Кацубэ Хадзимэ, немецкий исследователь Хайнц Хенэ написал большую работу под названием «Дело Лисснера», перевод которой предлагается читателям.

Фигура Ивара Лисснера интересна тем, что он своей биографией и деятельностью почти зеркально повторяет Рихарда Зорге. Оба были немцами, родившимися в царской России; где-то в одно и то же время оба работали на северо-востоке Китая и в Шанхае. Являясь журналистами-аналитиками, оба были командированы на Дальний Восток в качестве корреспондентов различных газет. В германском посольстве в Токио оба установили достаточно

близкие, доверительные отношения с послом и пользовались его доверием. Каждый по-своему, они завязали отношения с японским руководством (прямо или косвенно) и получали секретную информацию военного и политического характера. Оба работали на разведку, причем по собственным убеждениям; оба достаточно ясно анализировали события и прогнозировали их развитие; оба были арестованы японскими спецслужбами, и на этом схожесть их судеб кончается, и начинаются отличия.

Зорге был убежденным приверженцем коммунизма и работал на 4-е Управление Красной Армии; Лисснер – нацизма, и работал на абвер. Арестованный политической контрразведкой (*токко*) Зорге был приговорен в смертной казни; Лисснера военной контрразведке (*кэмпэйти*) «сдал» представитель гестапо Майзингер, и он, хотя и был подвергнут пыткам, не погиб и вышел из тюрьмы в 1945 г. Судя по отрывочным сведениям, незадолго до арестов у обоих возникли серьезные сомнения в верности идеалов, которым они столь преданно служили, однако что-то изменить было уже невозможно, – и в этом, пожалуй, их последнее сходство.

Как уже говорилось, впервые эту историю начал исследовать почетный профессор НИИ «Момояма гакуин» К. Хадзимэ; перевод текста его предисловия (1) к исследованию Х. Хенэ приводится ниже.

«9-го сентября 1943 г. я был арестован тайной полицией (2) префектуры Канагава как соучастник по делу “Инцидент в Йокогаме” (3). В то время я работал сотрудником административного отдела секретариата президента акционерной металлургической компании. Не буду останавливаться на “инциденте Йокогама”, о котором писал отдельно; с Лисснером же я столкнулся весной 44-го, когда меня перевели из камеры предварительного заключения городка Цуруми в тюрьму города Йокогама, располагавшуюся в районе Сасагэ.

В Сасагэ я попал в марте 44-го; прошел месяц или два, и в соседнюю с моей камеру (№ 3–21) поместили иностранца. Похоже, это был немец. “Лисснер, Лисснер”, – говорили о нем надзиратели и тюремные служащие. Передачи с едой ему доставляли из “Нью Гранд-Отеля” в Йокогаме, и я подумал, что человек этот – из богатых. В один из дней с “передачей” что-то произошло, и в адрес надсмотрщиков раздались пространные жалобы на немецком языке. Смотреть на это (вернее – слышать это) просто не было сил, и я им перевел. Оказалось, он заявлял, что в “передаче” еда и фрукты подменены на что-то простое и грубое. На своем корявом немецком я объяснил, что подмена передач в приемном отделении и вымогательство – дело совершенно обычное. С того времени мы стали иногда переговариваться под присмотром надзирателя. Временами Лисснер перебрасывался короткими фразами по-немецки со своим товарищем на втором этаже; сейчас я предполагаю, что то был Вернер Кромэ. Где-то через полгода, когда наступила зима, и Кромэ, казалось, совершенно пал духом, Лисснер, не обращая внимания на собственные страдания, подбадривал его: “Мужайся, мужайся, день придет!”

С наступлением зимы у меня открылось кровохарканье, и все шло к концу. Как результат, благодаря усилиям родителей и благосклонности администрации, меня временно выпустили из тюрьмы. И вот, в середине марта 1945 г. я был переведен в йокогамскую больницу Хиака.

Конечно, я этого не знал, но осмотревший меня врач вынес жесткий вердикт: больше месяца мне не протянуть; тем не менее, обошлось. Собственно, продолжалось мое больное и голодное состояние, эдакая “тюрьма без решеток”.

Но вот, наконец, наступило 15-е августа (4), а с ним и день освобождения и выход из тюрьмы товарищей. В больницу мне принесли письмо от проживавшего в Хаконэ на территории, предназначенной для иностранцев, Лисснера, которого тоже освободили, и “рацион” (сухой паек американской армии), переданный через администрацию. В письме он говорил, что он, как и я, был политическим заключенным и очень мне благодарен за поддержку в тяжелые времена. Именно так имя “Лисснер” навсегда осталось в моей памяти.

Прошло более сорока лет; мой старший наставник г-н Исидо Сэйрин предложил мне заняться “делом Зорге”, и вот, собирая материал, я наткнулся на фразу “инцидент Зорге–Лисснера”. Она встретилась мне в японском переводе книги Сторри и Дикина “Исследования по делу Зорге”. Там было сказано, что, в отличие от Зорге, Лисснер работал на *абвер*, руководимый Канарисом, и был выдан руководителем дальневосточного отделения гестапо Майзингером японской военной контрразведке *кэмпэйтэй* по сфальсифицированному обвинению в шпионаже в пользу СССР.

После этого я прочел последнее издание исследования “дела Зорге” Мадера “На тайном фронте” (5), где обильно цитировались мемуары Лисснера “Забыть, но не простить” (6). Тогда я подумал, что этот Ивар Лисснер – не иначе, тот самый человек, с которым я познакомился в йокогамской тюрьме, и начал разыскивать книгу его мемуаров, на которую ссылался Мадер.

Обратился в Парламентскую библиотеку, где, как представлялось, ее вероятнее всего можно было найти, однако там ее не было. Попробовал через знакомого депутата парламента в МИДе, чтобы те запросили свои посольства за рубежом, но пришел ответ, что тираж распродан, и достать ее нет возможности. Я был просто ошеломлен. Произведения Лисснера, который во время войны собирал подробнейшую информацию о нашей стране, не было даже в Парламентской библиотеке! Ничего себе!

Я снова стал приставать к своему знакомому депутату: нельзя ли как-то переснять ее, ведь она непременно должна храниться в крупнейших библиотеках Германии и Америки? И вот, наконец, мне сделали копию. Только это было новое издание, называвшееся “Мой опасный путь” (7). В нем отсутствовали цитированные у Мадера отрывки. Но вместо этого была добавлена подробная статья Хайнца Хенэ “Дело Лисснера”.

В предисловии жены Лисснера, Рут Нихайс Лисснер (Ruth Niehaus Lissner), говорилось, что книга была написана по-английски сразу же по-

сле окончания войны в японской больнице. Текст не был упорядочен, и от второй части, в которой говорилось о его аресте, остались только наброски.

Лисснер передал эти материалы своему старому знакомому, журналисту Х. Хенэ, который вновь переписал их, и статья “Дело Лисснера” составила заключительную главу книги.

Такие произведения Хенэ, как “История СС – ордена черепа” (8) и другие, затрагивали самую суть нацизма; работа же о Лисснере совершенно отчетливо передавала содержание деятельности сторонников этой идеологии. Он написал докторскую диссертацию по вопросам политики в университете Кобэ и в настоящее время преподает экономику в Киотосском университете, особое внимание в своих лекциях обращая на состоянии дел в Восточной Германии. Его молодой коллега Китабаяси Есинори сделал перевод книги о Лисснере на японский.

В германском посольстве Лисснер приобрел особое доверие посла О. Отта, он также имел глубокие связи в японских военных кругах, и в этом весьма схож с Зорге. И еще Лисснер, разочаровавшись в нацизме, все же являлся агентом абвера; Зорге был весьма критичен в отношении сталинизма, но работал на 4-е управление Красной Армии, – и в этом между ними просматривается сходство. Лисснер действовал в Северной Маньчжурии и в июне 1938 г. имел отношение к инциденту с побегом Люшкова (9) (Зорге также получал информацию по Люшкову).

Относительно контактов Лисснера с Рихардом Зорге в этой книге Лисснера говорится в главе “Встречи в отеле “Империял” – Рихард Зорге”. (Эти заметки являются незаменимым материалом к работе Айно Куусинен “Бог повергает своих ангелов” (10) и описанию деятельности Зорге в Китае в работе “Соня передает”, выполненном Рут Вернер (11).)»

Наконец, приведем хронологию жизни Лисснера из книги Мадера: «Ивар Лисснер, доктор юридических наук (настоящие имя и фамилия: Роберт Хиршфельд) – (1909–1967). Сын рижского биржевого маклера, в 1918 г. эмигрировал в Германию, в 1933 г. вступил в НСДАП, выпускник школы юнкеров СС, в 1936 г. защитил кандидатскую диссертацию в Эрлагене, нацистский писатель, автор передовых статей в фашистских газетах «Фелькишер беобахтер» и «Ангрифф», с 1938 г. – специальный дальневосточный корреспондент этих газет в Токио, доверенное лицо посла Ойгена Отта, атташе по делам пропаганды при посольстве фашистской Германии в Токио. С 1940 г. – военный корреспондент и антисоветский агент «восточного отдела» шпионской группы «Люфт» *абвера* в оккупированной японцами Маньчжурии, переводчик с русского в японской армии, организатор антисоветских актов саботажа и диверсий в Сибири, в 1941 г. награжден фашистским орденом «За военные заслуги» II степени с мечами, в 1942 г. – направил донос на сотрудников посольства Германии в Токио, передававших информацию Рихарду Зорге, в июне 1942 г. в Харбине штандартенфюрер СС

Майзингер донес на него японцам как на лицо, занимающееся промышленным шпионажем в пользу иностранных государств, в июне 1943 г. арестован японской полицией как германский шпион, выпущен на свободу в начале 1945 г., в 1947 г. уехал в ФРГ, там являлся главным редактором иллюстрированного журнала «Кристалл», принадлежавшего концерну Шпрингера, с 1956 г. публиковал книги» (12).

Теперь перейдем непосредственно к тексту Х. Хенэ, написанному по-японски при помощи доктора экономических наук факультета экономических исследований Киотосского университета Китабаяси Есинори.

Дело Лиснера

Ивар Лисснер не дописал свои мемуары до конца. Они прерываются непосредственно на том моменте, как он стал членом разведывательной организации, в которой его ждали и головокружительные взлеты, и падения, что сопутствует судьбе работников секретных служб, в жизни которых часто происходят особо драматические повороты. Он был самым способным сотрудником немецкой разведки на Дальнем Востоке, связующим звеном между ней, армией и МИДом. Он был обвинен одним из гестаповцев и «продан» японской стороне, помещен в камеру смертников *кэмпэйти*, подвергнут пыткам, в результате которых почти лишился здоровья, но смог восстановиться, вернувшись к прежней форме. Увы, кроме самого Лисснера никому достаточно авторитетно рассказать о разных гранях его многообразной жизни и деятельности.

Между прочим, Лисснер далеко не полностью раскрыл их нам, оставив достаточно разрозненные мемуары. После освобождения из тюрьмы, находясь в Токио, он старался закончить их, однако работу пришлось прервать. По его словам, в самой середине процесса написания мемуаров он ощутил какой-то внутренний гнев непонятого происхождения. В дни, когда он являлся главным редактором журнала «Кристалл», когда его книги «Так они жили» («So habt ihr gelebt») и «И все же Бог был» («Aber Gott war da») стали бестселлерами, мысль продолжить мемуары его не посещала. В работе «После, после...» («Später, viel später»), за которую принялся Лисснер, на вопрос знакомого, когда же будут закончены воспоминания, он отвечает, что хотел бы как-нибудь взяться за это дело. Однако, «после» для него не наступило. В сентябре 1967 г. доктор Ивар Лисснер скончался в швейцарском местечке Шэзьер (Chesières), что на реке Оллон (Ollon), неподалеку от Монтре в кантоне Леман.

Отклонял ли он предложения закончить свои мемуары, памятуя о страданиях, причиненных пытками и заключением? Или для него было слишком обременительным упорядочивать в строках запутанные и сложно переплетенные материалы прошлого? Ответы Лисснер унес с собой в могилу. Его письма, отрывочные записки, заметки его современников, а также записи в

документах Третьей Империи, – вот все, что осталось историкам для использования при описании жизни Лиснера. При этом от историков требуется особая осмотрительность, дабы не превратиться из исследователей событий в обвинителей.

Ивар Артур Николай Лиснер был человеком, сотканным из парадоксов, поэтому нередко при попытке выстроить его жизнь на основе его же автобиографии возникают логические противоречия, и концы не сходятся с концами. Как это обычно бывает с человеком, выросшим в удаленных краях и в чрезвычайных обстоятельствах, жизнь его изобиловала разрывами и узкими местами. Он также был обуреваем непреодолимым, страстным желанием избавиться от дрожи перед мыслью о неизбежной насильственной адаптации к обществу и государству; стремлением с одной стороны к покою, а с другой – к общественному признанию.

1. Родословная Лиснера. Лиснер происходил из рода балтийских немцев-захватчиков, на протяжении ста лет порабоцевавших Латвию и с середины XIX в. ведших яростную войну на два фронта. Они подвергались опасности как со стороны царского правительства, проводившего политику обрусения, так и от латвийского националистического движения; помимо этого, даже игнорируя пророссийскую политику империи Бисмарка, балтийские немцы старались сохранить дух сопротивления, противившийся утере их позиций. Один из наиболее выдающихся представителей прибалтов немецкого происхождения Александр Кайзерлинг (Alexander Kayserling) выразил это так: «Долг прибалтийских немцев – продлить существование германской культуры в этих местах даже при ее страданиях, даже в состоянии агонии».

Однако по мере того, как старый правящий класс терял свои привилегированные позиции, противодействуя всевозможным разнородным и «антигерманским» веяниям, он упорно и непреклонно оставался замкнут сам на себе. Некогда прибалтийские немцы были носителями идей свободы в царской империи. Теперь же они не могли примириться со всеми противодействующими им прибалтийскими народами, замкнулись в своих рамках, заняв совершенно непреклонные позиции. Когда в 1905 г. латыши поднялись на борьбу с российским гнетом, партия прибалтийских немцев приняла сторону царя и помогала российским войскам подавить восстание. С тех пор для жителей Латвии немцы стали играть роль непрощенных гостей. Но они шли к своему последнему сражению, сомкнув ряды, сплотившись на основе единого и глубокого мировоззрения.

Несколько поколений семейства Ивара Лиснера, проживавших в большом приморском городе Риге, отразили в себе судьбы прибалтийских немцев. В жилах членов семьи Хиршфельдов смешалась скандинавская, немецкая и еврейская кровь. Среди них были купцы, люди искусства и дипломаты. Прадед Андреас (Andreas) был шведским дипломатическим чиновником, поднявшимся до ранга действительного тайного советника Российской им-

перии. Его сын Николай (Nikolai) был способным художником и мореплавателем. По воспоминаниям Лисснера, он дальше всех «заходил в устья рек, впадавших в Финский залив, а также в опасные реки на Аландских островах». В жизни этой семьи большое место занимало искусство и театр. Актер Кристоф Михаэль Генц (Christoph Michael Gensz), оперная звезда XIX в. Луизе Шлегель (Luise Schlegel), драматург Ханс Кестер (Hans Köster), автор пьесы «Лютер», были выходцами из семьи Хиршфельдов. В ней были и известные флотоводцы; так, Ханс фон Кестер (Hans von Köster) служил командующим морским соединением у Тирпитца (Tirpitz).

В таком семействе даже торговцы выказывали артистические способности. Отец Лисснера, советник по торговле и промышленности Роберт Хиршфельд, родившийся в 1878 г., проявил почти гениальные способности в операциях с ценными бумагами и вкладами. Он, однако, несомненно был предрасположен к богемному образу жизни и, подобно азартному игроку, бросался во все новые промышленные авантюры, то наживая, то теряя крупные капиталы. Будучи владельцем нескольких заводов по производству изделий из пробки, он быстро вырос, явив собой новый вид предпринимателей среди прибалтийских немцев.

Для деятельного мужчины, учившегося помимо принадлежавшей России Риги в Германии и во Франции, «германизированное» общество с его жестко дискриминационными в отношении национальности устоями очень скоро стало являться большой помехой. В особенности сильно и постоянно раздражало его в окружавших чувство антисемитского превосходства, и он без малейшего сожаления отсек свое еврейское прошлое. Перед тем, как жениться на дочери промышленника Шарлотте Генц, он сменил свою прежнюю фамилию и стал именоваться Лисснером. Он не проронил ни слова своим детям относительно того, что изменил фамилию, дабы среди энтузиастов-антисемитов не возникло никаких подозрений о его еврейском происхождении.

Ивар Лисснер родился 23 апреля 1909 г. в предместье Риги Ливенхоф (Lievenhof), когда старая фамилия Хиршфельд осталась уже в далеком прошлом. Почти у всех его друзей (Роберт, Шарлотта и др.) в именах присутствовали слоги «ро» и «ло»; семейство же Лисснеров не стало предпринимать ничего подобного для троих своих детей – Ивара, Зигрид (Sigrid) (род. 1905) и Перси (Percy) (род. 1906), следуя примеру чистокровных германских фамилий. Впоследствии для своих детей светло-рыжий советник по торговле и промышленности представлялся германцем по рождению. Ивар, его братья и сестры росли безо всяких опасений. Ивар хорошо запомнил первый раз, когда их повезли на Балтийское море, и описывал это так: «Еще раньше, чем мы с братьями достигли более-менее разумного возраста, нас посадили на катер и вывели в море. С тех пор каждое лето мы радовались морским приключениям на нашей голубой Балтике».

Однако их отец, ощущавший нестабильность обстановки в Латвии, не планировал оставаться в балтийском регионе; собрав семью, он переехал в

Москву, но все это случилось прямо перед началом мировой войны и революции. С началом военных действий царская полиция обвинила семейство Лисснеров в шпионской деятельности и выслала в Поволжье. В феврале (марте по новому стилю) 1917 г. царский режим пал, и семья была освобождена из ссылки. Пережив по пути немало опасных перипетий, они смогли вернуться в Москву в свою собственную шестикомнатную квартиру. Однако уже в ноябре они снова были вынуждены бежать, спасаясь от большевистской революции. Как рассказывал Роберт Лисснер, «я узнал, что через 2 или 3 часа всю нашу семью должны были расстрелять. Менее чем через два часа мы покинули свой дом. На следующий день мы уже направлялись в Ригу».

Однако в Риге Лисснеры вторично столкнулись с политическими неожиданностями, оказавшись в самой гуще кровопролитных столкновений между Красной Армией, немецкими войсками и латвийскими националистами. В Ригу лавинообразно ворвались советские войска (а советские власти уже рассматривали семейство Лисснеров как антисоветские элементы), и дни, исполненные ужаса событий, проходивших перед глазами Лисснера, навсегда оставили след в его памяти; стереть эти переживания было невозможно. Однако и латвийский националистический режим, сменивший «красный террор», не принес мира семейству Лисснеров. Теперь оно должно было платить по счету, выставленному Латвийской республикой прибалтийским немцам в качестве компенсации за унижения и эксплуатацию на протяжении нескольких столетий. В атмосфере такой неприязни и враждебности для Роберта Лисснера оставался единственный выход: бегство в Германию.

Он пошел по пути, провидчески указанном Кайзерлингом еще в 1890 г. Пророчество же было таково: «Прибалтийские немцы могли бы в принципе остаться на этом месте, лишь обретя новую форму имущества: в обмен на власть – чувство любви к стране, свободу, хорошее правительство, хорошие школы и религиозную терпимость; однако такое имущество они смогут обрести только в Германии». Хотя какие там райские кущи в виде свободы и религиозной терпимости... Семейство Лисснеров в 1920 г. встретила страна, потерпевшая полный крах и проигравшая в войне, ограбленная победителями, легкая добыча для глашатаев – спасителей мира, не имевшая политического оправдания даже в своих собственных глазах.

Роберт Лисснер сокрушался о потере «Германской империей» прибалтийских интересов, равно как и большей части балтийских колоний, радуясь одновременно тому, что Латвия смогла вырваться из столь тяжелого положения. Георг Люббе (Georg Lubbe), племянник Ивара, записал: «Это походило на то, как если бы мужчина избавился от глубоко сидевшего в нем старого заблуждения; теперь в латышских городах чертенята больше не будут бросать в него камни».

2. Образование Лисснера. Отец Лисснера быстро вошел в мир германской коммерции, поселившись в Берлине на улице Литценбурген (Lietzen-

burger), где он приобрел частный дом; он также купил землю на острове Рюген (Rügen). Его же сын Ивар никак не мог адаптироваться в новой обстановке. С 1902 г. он посещал среднюю школу высшей ступени Хайнриха фон Кляйста (Heinrich von Kleist) в Берлине, однако чувствовал сильное отвращение к пронизывавшему ее пруссаческому духу закрытости. Хоть он и был сыном коммерсанта, однако имел утонченную натуру; у него были прекрасные способности к музыке, вообще мальчик выказывал разносторонние интересы, у него было очень мало общего с одноклассниками-соучениками. Ивар был выше среднего роста – 187 см, с голубыми глазами; привлекательность и способности вызывали к нему интерес со стороны женского пола, однако он всегда сохранял дистанцию между собой и другими; как позже сказал один исследователь почерка, взглянув на письмо Лиснера, это было последовательное «состояние закрытости в четырех углах, четырех стенах». За доспехами непроницаемости, почти женственного беспокойства и твердых слов была глубоко скрыта неуверенность Лиснера в себе; ему наняли домашнего учителя, и в 1929 г. тот начал усиленно готовить его к абитуриентским экзаменам (выпускные экзамены в средней школе высшей ступени, квалифицировавшиеся как вступительные экзамены в институт). Одновременно он старался раскрыть внутренний мир Лиснера миру внешнему. Этим человеком был доктор Вильгельм Лидтке (Wilhelm Liedtke); сперва – домашний преподаватель, затем – секретарь семейства Лиснеров и, наконец, – иждивенец и нахлебник.

Лидтке, которого Лиснер в своих мемуарах называет «профессором», был ученым, не знавшим упорядоченного мира; по словам друга Лиснера, Вернера Кромэ (Werner Crome), то был человек неожиданных устремлений, знаний, озарений, выказывавший компетентность в самых различных областях. Учитель Лидтке считал жизнь в Берлинском Университете опасной и, по истечении шести месяцев, посоветовал Лиснеру поехать в 1931 г. на полугодовую стажировку во французский университет в Лионе. Лиснер отправился во Францию в качестве студента-стажера в рамках программы обмена. Его отец, советник по торговле и промышленности, не отличавшийся особенной чувствительностью, желал, чтобы Ивар, изначально склонный к гуманитарной области, занялся, как и его брат Перси, юриспруденцией, и указывал Лиснеру на необходимость обстоятельного изучения торгового законодательства. Лиснер так и поступил, и даже из названия его дипломной работы – «Особая ограниченная ответственность управляющих торговых предприятий в соответствии с международным правом» – видно, сколь серьезно он взялся за тему.

3. Встреча с нацизмом. В конце 1932 г., когда Ивар вернулся в Германию, он увидел новый мир. Империя тряслась от марширующих коричневых отрядов Адольфа Гитлера. Это национал-социалистическое движение очаровало и пленило Лиснера. Подобно многим своим современникам, он ошибочно воспринял его за силы реформаторского обновления. Этим об-

новлением немцы разбивали потрескавшуюся, «опрыщавевшую» систему и, в конечном итоге, видели в нем построение национального сообщества для нового типа человеческой расы. И Лисснер открывал для себя в национал-социализме многое, даже слишком многое из того, чему его учили в доме родителей и там где он появился на свет: культ Германии, антикоммунизм, поклонение вождю. Вот, что он писал об этом на следующий год: «Все же существует нация, рождающая вождя, который в самый последний момент сжимает в кулак судьбы ослабевших людей. В 1795 г. Франция не смогла породить такого вождя, однако с Корсики пришел Наполеон. Наш национальный лидер также провел свои молодые годы в пограничном районе и, подобно Наполеону, увидевшему всю Францию, Гитлер сможет охватить взором всю Германию!»

Такие люди очень легко вступали в гитлеровскую партию. В апреле 1933 г. Лисснер вместе со своим братом Перси стали членами Национал-социалистической рабочей партии Германии (NSDAP) и немедленно надели черную форму ее передового отряда с эмблемой – черепом. В 1942 г. он сам указывал, что «мое военное образование проходило в течение двух лет в 6-м Берлинском полку СС и в Годесбергском полку». Позже его друг Кромэ вспоминал: «Он неоднократно рассказывал мне о жизни в отряде, доставал и показывал фотографию, где был запечатлен с полковыми сослуживцами». Опьяненность самоотверженной преданностью «национальной революции», которую Генрих Гиммлер (Heinrich Himmler) старался насадить в СС, проявилась в приверженности братьев Лисснеров национал-социализму с черепом и костями. Как говорил родственник Лисснера Ханс Штолтерфорт (Hans Stolterfort), «в то время братья присоединились к *движению* и, подобно многим молодым людям, выросли под влиянием этого *движения*».

Мысль о том, что он живет в великую эпоху, захватила Лисснера, заставив отбросить то жизненное направление, которого придерживался его отец. В апреле 1936 г. он закончил Университет Эрланген (Erlangen Universitat) с высшими оценками по успеваемости и со степенью доктора юриспруденции, о чем получил свидетельство. Однако он еще раньше решил для себя, что одними законами сыт не будешь. Собственно, Лисснер был последователем Генца (Gensz), Шлегеля (Schlegel) и Кестера (Köster). Его захватывал мир театра и литературы. Он хотел писать, встречаться с разными людьми, путешествовать по разным странам.

Еще во время учебы в Берлинском университете он вынашивал замыслы своих будущих книг. В годы учения Лисснер познакомился с членами кружка зарубежных студентов, среди которых часто велись горячие споры о том, означает ли приход Гитлера к власти конец для мира; в этих спорах он принимал самое деятельное участие. Он пытался убедить своих иностранных соучеников, что новый германский режим не нанесет вреда другим, что [идеи] Гитлера находят отклик у немцев. В 1935 г. Лисснер говорил так: «Эта власть не имеет намерений переходить границы и продвигаться вперед;

она сконцентрируется на разработке целины внутри страны, на создании единого лагеря рабочих и служащих, будет проводить политику строительства городов и дорог. Думается, что такое германское движение, превосходя проблемы индивидуальных предпочтений, будет с радостью приветствоваться всеми иностранцами». Его целиком и полностью захватило стремление передать энергетический заряд молодым англичанам, французам и американцам, заставить их понять справедливость Третьего Рейха. С этой целью он решил написать книгу. В результате трагического окончания Первой мировой войны и падения демократического правительства молодые люди, среди которых было огромное количество горячих защитников идеи продвижения к национал-социалистическому государству, потеряли цель, направление в жизни, и это мог описать лишь тот, кто поддерживал молодое поколение. Если бы не было лозунга государственности, не было бы и изначального облика национализма и прочего. Об этом 25-летний Лисснер думал так: «Поскольку единая нация, попавшая в крайне тяжелое положение из-за территориальных аннексий и репараций и как бы вновь явившаяся на свет совершенно голой, должна поддерживать свое существование, справедливо ли, развалившись в кресле, лениво критиковать то одно, то другое в создавшемся положении?» «Именно организация, сформировавшаяся на основе великой духовной самозакалки, должна обратиться “свободой”, лишенной обмана; именно такое правительство защитит Европу от большевизма, даст работу миллиардам безработных и поведет за собой общество». Поэтому «Германия движется вперед по этому пути не с помощью пустой болтовни, но посредством конкретных дел, результат которых очевиден для всех».

4. Рождение Лисснера-писателя. Берлинское отделение издательства «Ханза», штаб-квартира которой находилась в Гамбурге, проявило интерес к статьям Лисснера. Руководитель Берлинского отделения Пауль Вайнрайх (Paul Weinreich) вовсе не являлся глашатаем национал-социалистического правительства, однако, прочтя статьи Лисснера, немедленно заключил с ним контракт. Уже в наши дни Вайнрайх вспоминал: «Причиной того, что меня привлекли эти статьи, была их внутренняя насыщенность, редкий для того времени “международный взгляд”». В 1935 г. в этом издательстве вышла книга Лисснера под названием «Взгляд из страны вовне». Особого успеха она не имела. Однако в газетах и на радио она вызвала много откликов, и Вайнрайх вместе с директором издательства Бенно Циглером (Benno Ziegler) поощряли молодого человека к написанию новых произведений.

Циглер предложил ему проехать по миру и написать для издательства путевые заметки. Лисснер согласился, и в 1936 г. книга вышла. Он так описывал распиравшие его чувства: «Пою и кричу! Я смог побывать там, где люди ткут свои маленькие жизни и где эти же люди строят великие империи. Я пересекал бесчисленные границы, мог видеть континенты и океаны!»

Он путешествовал по Америке и Канаде, впервые увидев тихоокеанский мир, который впоследствии стал его судьбой. Он побывал в Африке и в

Средиземноморье, но внимание его привлекла «колоссальнейшая концентрация силы и власти белой расы на одном континенте», то есть, разумеется, Америка. Он отметил это раньше основной массы европейцев. «Современное развитие Америки с ее 130-миллионным населением не может не оказать влияния на Европу».

С редкой ясностью он проанализировал миф об американском развитии, впервые описывая то, что, по мнению германских аналитиков, должно было из этого родиться в 40-е гг.: «Америка... должна научиться чему-то совершенно новому. Этого “чего-то” до сих пор не существовало. Следует быть готовым к ужасному изумлению перед возможностью кончины американского мира, ощущения предела американской силы, появлению до сих пор отсутствовавшего слова “невозможно”». Его увлек националистически-консервативный метод в рассмотрении американского будущего. В качестве же указателя на гибель этого общества изобилия он избрал внутригосударственные признаки бедствий. «Нью-Йорк стареет. Срок жизни Нью-Йорка скоро закончится. Нью-Йорк не сможет заполнить людьми свои современнейшие небоскребы».

И вот, в 1936 г. появилось его новое произведение под названием «Народы и континенты» («Völker und Kontinente»). Глубокие рассуждения и ясность мысли, свидетельствовавшие о недюжинных способностях автора, сделали книгу бестселлером, а самого его выдвинули на первую линию писателей-политологов того времени. «Мало какое произведение сравнится по ценности с этой книгой. Всем немцам следовало бы ее иметь», – писала газета «Пруссише цайтунг» («Preussische Zeitung»). Ей вторила «Фолькише Beobachter» («Völkische Beobachter»): «С какой стороны ни посмотри, эта книга весьма умело и подробно рассматривает особенности иностранных государств на всех континентах». В это время Лисснер вступил в Имперскую ассоциацию писателей (Reichsschriftfums Kammar), орган Третьего Рейха, наильно объединивший всех литераторов страны; Вайнрайх и Циглер, со своей стороны, обеспечили покупаемому автору еще более широкое поле деятельности. Их целью было: ввести Лисснера в газетный мир. Этим занялась «Служба Ханза» (Hanseaten-Dienst), включавшая в себя издательство, газеты и радиовещание, начавшая публиковать статьи Лисснера по политической тематике. Благодаря этим публикациям Лисснер быстро занял ведущее место в мире газетной журналистики. Наконец, на него обратил внимание «Ангрифф» («Angriff»), берлинский орган массовой информации из ведомства Йозефа Геббельса, где также стали появляться его статьи.

В конце 1936 г. Лисснер вторично отправился в путешествие по миру, в процессе которого он собирал материал для своей третьей книги «Народы и страны Тихого океана» («Menschen und Mächte am Pazifik»). Однако когда в январе 1937 г. он вернулся в Берлин, там его ожидал сильный удар. Он был такой силы, что мог лишить его возможности снова встать на ноги. На Лисснера пришел донос, что в его жилах течет еврейская кровь. Гестапо на-

чало расследование. Им был проведен обыск в доме Лисснеров на Кайзерале (Kaiserahlee), дом 194; Лисснер был препровожден для допроса в штаб Тайной государственной полиции. Здесь Лисснер впервые узнал, как иногда оборачивается дело. Его отец подозревался в сокрытии своих еврейских корней и в подделке удостоверения об арийском происхождении.

5. Разоблачение еврейского происхождения Лисснера; притеснения. Дело о разоблачении происхождения фамилии Лисснер разделило семейство Лисснеров, происходивших из прибалтийских немцев. Подозрения гестапо сводились к тому, могут ли «евреи Лисснеры» продолжать свою жизнь и деятельность в Третьем Рейхе? Щупальца гестапо дотянулись даже до племянницы Лисснера, работавшей секретарем районного начальника образования и пропаганды, которому немедленно было обо всем доложено. Гестапо упорно раздувало единичный донос в серьезное «дело». Наконец, оно арестовало Роберта Лисснера. Его обвиняли в том, что он пытался помешать расследованию путем предоставления несоответствующего «пасторского свидетельства» из одного латвийского прихода. В соответствии с этим свидетельством, датированным 17 июля 1936 г., «подтверждалось, что по записям регистрационных книг рижского монастыря Св. Петра, Роберт Лисснер родился в Риге 29 октября 1878 г. и был крещен в лютеранском приходе». Гестапо сочло это подделкой, однако прямых доказательств тому не имело. Через несколько недель допросов Роберт Лисснер был выпущен на свободу. Однако для его сына Ивара из-за случившегося рухнул весь мир. На него обрушился град низких и мерзейших насмешек. Буквально только что соотечественники, еще не знавшие о его еврейской крови, шутя предлагали занести его имя в учебник как классический образец чистейшего арийца. К тому же и сам он, увлеченный антисемитским духом эпохи, был совершенно убежден в том, что народ, передающий роль хозяина другому народу, у которого он находится как бы в гостях, неизбежно гибнет. И вот теперь он сам стал объектом антисемитской охоты на ведьм.

Тем, кто не испытал непосредственно на себе, что такое Третий рейх, сегодня практически невозможно понять, что означало тогда быть евреем. А значило это: ощущать произвол и своеволие со стороны людей; в общественном положении – полный деспотизм со стороны государства; принадлежность к проклинаемому меньшинству. Для многих людей, подвергшихся такой опасности, благоразумным было смешаться до почти неузнаваемости с теми, кто поддерживал режим, чутко реагируя на все изменения политического курса.

Ивар Лисснер также был готов приспособиться к политической системе. Однако, вторжение гестапо на его личную территорию нанесло ущерб его чистой вере в политическое устройство, впервые заронив в сердце сомнение. Тем не менее, внешне он ничего не выказывал. Эти изменения, понемногу проявлявшиеся в нем, являлись тем, что специалист по душевным болезням Ханс Бургет-Принц (Hans Burger-Prinz) называл «болезнью расщепления».

«“Я” расщепляется надвое. На часть, исполняющую обычные функции, и на часть, в которой чего-то недостает». В случае с Лисснером это было расщепление на часть, полностью разделявшую идеи государственного национал-социализма, и на часть, подвергавшуюся гонениям из-за того, что ее носителем был еврей.

Позже друзья и родственники Лисснера говорили, что восхваление в его произведениях национал-социализма являлось обычным камуфляжем, направленным на то, чтобы защитить себя (и охваченную ужасом семью) от возможности ареста. Он прекрасно понимал, что правительство было способно одним росчерком пера лишить его всех видов достатка, исключив из Имперского Союза писателей и из членов партии. К тому времени он уже не имел ни малейших заблуждений относительно нацистской бездушности и беспощадности. Как говорил друг Лисснера Вернер Кромэ: «С 1939 г., еще до начала большой войны, Лисснер отвергал нацизм, рассматривая его как переходное явление».

Вскоре Лисснер стал говорить друзьям: «Теперь я стану отдавать все свои силы военной диктатуре Германии». Что это означало? Консервативные знакомые его отца считали, что еще не время для явного перехода на позиции смещения Гитлера, что путем укрепления армии можно будет военными средствами скорректировать правительственный курс, проводившийся Гитлером; Лисснер был согласен с этим и ранее, а теперь проявил к этой точке зрения активный интерес.

Тем не менее, друзья Лисснера не могли согласиться с подобными мимикрическими тезисами. Они говорили ему, что необходимость защищать себя и свою семью не подразумевает необходимости становиться пропагандистом нацистского правительства. Военные силы находились в процессе объединения с нацизмом, однако в данный момент еще могли защитить буржуазные газеты. Однако дух заядлого игрока и интеллектуала Лисснера не предлагал ему простых и надежных путей. И даже из оставшихся он выбрал самый опасный, почти самоубийственный.

6. Мимикрическая позиция Лисснера. Воспользовавшись мудрым советом Лидтке, Лисснер, закончив книгу «Народы и страны Тихого океана», немедленно сблизился с нацистским режимом. По словам Кромэ: «Он не собирался становиться ни парией, ни отверженным. Путем внедрения в самые глубины нацистского организма он превозмогал свои комплексы». Лисснер укрепил свои связи с пропагандистским органом нацистов «Ангриффом», и с этого времени его статьи стали постоянно в нем публиковаться.

Что могло связать его с «Ангриффом» – самым одиозным из всех печатных органов нацистов? Первое, что приходит на ум: спасая себя от антисемитских притеснений, он устроил свое жилище у самой пещеры льва (нацистов). Между прочим, «Ангрифф» и ранее публиковал его статьи и был единственным, кто сохранял с Лисснером индивидуальные отношения. Не смотря на удар, полученный от происшествия с удостоверением об арий-

ском происхождении, Лисснер спрятал свои истинные убеждения на самом дне своей души, а на поверхности непрестанно проявлял верность Гитлеру, столь положительно воспринимавшуюся немецким обществом. Человеку не так-то просто сразу отбросить то, во что он долго верил.

Этот феномен известен также по истории сталинских «чисток». Жертвы абсолютистского режима, которых били и пытали, жизнь которых очень часто заканчивалась выстрелом в затылок, тем не менее до самого конца не расставались с заблуждением, что «партия права». Эти люди, служившие режиму, не могли избавиться от ложной мысли о том, что все происходящее творится ради чего-то более высокого в политическом плане. И Лисснер, верный член партии с 1933 г., похоже, не мог изжить подобные заблуждения. Постараемся понять, отчего он, непосредственно столкнувшийся с крайней угрозой собственному существованию, одну за другой публиковал статьи, в которых прославлялся правящий режим. Отражали ли эти статьи его окончательное и фактическое мировоззрение, или при посредстве влияния редакции «Ангриффа» он, так сказать, идеологически «исправился»? Сейчас уже не осталось сомнений в этой «перековке». Тем не менее, статьи, подписанные именем «Ивар Лисснер», оставляют гнетущее ощущение.

В аналитических работах Лисснер выражал то мнение, что национал-социалистическое господство, внешняя политика Гитлера приносила великолепные «плоды», настойчиво проводя мысль, что национал-социализм и Гитлер – одно целое. Лисснер упорно проводил линию критики австрийского премьера Шушнигга (Schuschnigg): «Срамная фигура Шушнигга с трясушимися конечностями». Он высмеивал антигитлеровские круги Парижа: «Эти хамы представляются группкой странных особ в цилиндрах, бредущих за катафалком со своими представлениями». Относительно присоединения чешских территорий Лисснер писал: «Великая Германия являет становление нового центра, аккумулирующего силу и дух».

Далее, Лисснер предвидел, что Гитлер толкает империю на путь войны, что решение «проблемы Данцигского коридора» выльется в еще более широкомасштабные военные действия. «Англия стремится прочертить перед нами разграничительную линию. Однако никакими угрозами и никакими договорами Англии это не удастся. Если предположить, что будет выдвинуто предложение о подобной линии, Англии придется перед всем миром согласиться по крайней мере на следующее: возвращение Германии всех ее колоний и подконтрольных территорий, существовавших до Версальского договора. Это – категорическое условие» («Ангрифф», 1939.07.30).

Вполне естественно, что в лисснеровских статьях в «Ангриффе» не было ни слова критики в отношении существующего строя. Те из немцев, кто с тревогой следил за авантюристической внешней политикой Гитлера, стали читать его статьи. Способным сравнивать внутреннюю и внешнюю политику надлежало мыслить в следующем ключе: «Мы, представляющие новую сильную мировую державу, должны последовательно наращивать свое дав-

ление вовне. Именно сейчас немцы должны проявить стальную непоколебимость!» Отдельным же недовольным и неудовлетворенным тем, что происходило, Лисснер объяснял: «Не следует забывать о новых требованиях, число которых в новом государстве увеличилось в тысячу раз». Лисснер неоднократно подчеркивал, что Германия «есть уникальная территория силы и труда, политическим становым хребтом которой являются мощные оборонительные силы».

Лисснер все повторял и никак не мог насытиться этим выражением о мощных оборонительных силах, придуманном Гитлером. Затем Лисснер был упомянут в одной из речей Гитлера: «Этот человек ясно и непреклонно твердо говорит о мире, в котором царь и повозка поменялись местами. Способна ли Англия знать, где пролегает дорога к миру?» Вот как Лисснер описывал общий съезд партии: «Внизу люди стояли так тесно, что не оставалось ни малейшего свободного места. Над неисчислимым людским морем вот-вот должна была появиться белая волна. В этот момент мы заметили движение рук: все хотели приветствовать эту белую волну. И вот, наконец, двери открылись, и он появился на балконе. Присутствующие все как один подались вперед, чтобы видеть его. Да, это он – Адольф Гитлер! Человек, вернувшийся из Австрии и привезший нам Австрию!»

Лисснер превозносил Гитлера также и из далекого далека. Он писал в своем отчете в «Ангрифф» о пребывании в Маньчжурии: «Люди спрашивали меня о Германии. Однако еще до того, как сказать что-то о главе государства, люди сами начинали говорить о нем и о возвращении Южных земель (Sudetenland), о присоединении Австрии, так что тема Германии пронизывала все. И я вновь и вновь ощущал ту колоссальную силу нашего руководителя, двигающего вперед нашу Германию». Относительно важности пропагандирования фигуры Гитлера достаточно привести пример с карикатурой. На рисунке, помещенном в английском юмористическом журнале «Панч», были изображены три эскимоса на Северном полюсе. Один из них говорил: «Однако, братцы, перед тем, как что-то решать, надо бы подождать указаний Гитлера». Про эту карикатуру Лисснер писал: «Комментарий англичан совпадает с нашим пониманием. Только для них это нечто совершенно неслыханное».

7. Дальний Восток и Лисснер. Публикация в «Ангриффе» банальных словесных статей свидетельствовала о глубокой осмотрительности Лисснера.

Однако гораздо более, чем прославление вождя, Лисснера интересовали дальневосточные проблемы. В январе 1938 г. он написал много статей о военной политике, анализируя положение на западном побережье Тихого океана. «Испытательная база в Гонконге» (Versuchsstation Hongkong), «Флот на Тихом океане» (Flotten im Pazifik), «Подведение баланса в Сингапуре» (Bilanz von Singapore), «Военно-морские силы и мировые державы» (Seemacht und Weltmacht), – в этих статьях Лисснер делал точные заключения об основных моментах военного развития и размещении вооруженных сил на

Дальнем Востоке. Он хорошо разбирался в вопросах развития ВМФ, размещении сухопутных сил, видах оружия и военной стратегии.

В начале лета 1938 г. издательство «Ханза» вновь послало Лиснера в зарубежную поездку; одновременно он получил задание и от редакции «Ангриффа». Лиснер отправлялся в Японию. Уже с того момента, как Лиснер узнал о Японии, она стала страной его грез. Утонченная духовная культура, буддийские памятники, храмы, мир искусства, японская история и здравствующие мастера, – все это очаровало его. Совершенно очевидно, другая сторона Японии, которая потрясла мир, ускользала из поля зрения Лиснера. Ведь в 1937 г. милитаристская и имперская, авторитарная Япония с помощью своей военной машины, какой еще не существовало в Азии, навязала свою волю Китаю.

Лиснер смотрел на страну Восходящего Солнца глазами, которые застилала пелена, мешавшая адекватному пониманию; в 1936 г. Япония и Германия заключили Антикоминтерновский пакт, по которому становились союзниками, и для него этого было достаточно. Рассматривая труднообъяснимое силовое расширение границ Японии, Лиснер находит этому оправдания, правда небезупречные, если на них взглянуть с другой стороны. «До сих пор японский военный пыл был высоко перевозносим в Европе. В действительности все не так», – писал Лиснер в своей книге, вышедшей в 1936 г. «Эта страна взяла меня в плен. Не понимая Японии, я не мог ей не восхищаться».

С помощью протекции друзей Лиснеру удалось получить разрешение на поездку в оккупированную Японией Маньчжурию; в особенности его интересовал участок вдоль реки Амур, где вообще не было никаких дорог. В Синьцзине (совр. Чанчунь) он смог заручиться покровительством одного влиятельного немца, направившего его вглубь страны. Этим человеком был владелец торговой сети и концерна, одновременно работавший на военную разведку адмирала Канариса, Эмиль Фюттерер (Emil Futterer). Он обеспечил Лиснера оружием и рекомендательными письмами, дабы тот мог продвигаться по малонаселенным территориям Маньчжурии. Опыт, приобретенный Лиснером во время этой поездки, стал поворотным моментом для всей его дальнейшей жизни.

8. Инцидент Люшкова. В середине июня Лиснер прибыл в Цзичунь, город на юго-востоке Манчжурии. Там он услышал о «побеге века» (как выразился один японский офицер-контрразведчик), – происшествии, крайне взволновавшем японских военных и политиков. [В ночь с 12 на] 13 июня маньчжурский пограничник, несший дозор на возвышенности Чжанлинцзи у границы с Кореей, внезапно наткнулся на советского офицера. Судя по предъявленному тем удостоверению, это был Генрих Самойлович Люшков, комиссар НКВД 3-го ранга (приблизительно соответствует генерал-майору от инфантерии), начальник Дальневосточного отдела НКВД. Японцы, находившиеся в том районе, почти совсем не понимали, что за человек перешел

на их сторону, однако все быстро выяснилось. Со времен отъезда Троцкого в некоммунистическую страну это был самый значительный советский чиновник высокого ранга, совершивший побег. Советское, партийное и военное руководство на Дальнем Востоке всего еще несколько дней назад бросало в дрожь от кровавых приказов Люшкова, проводившего «чистки». Однако ситуация разом изменилась; возникло опасение, что теперь уже сам Люшков оказался в расстрельных списках, поэтому он перешел границу и сдался.

Для местных полицейских фигура Люшкова была слишком масштабной, поэтому его переправили в разведотдел японской армии в Цзичунь. Допросы могли проводиться только по-русски, однако в том отделе не было никого, более-менее свободно владевшего бы этим языком. И здесь на сцену выходит Лисснер. Когда выяснилось, что у японцев сложности с русским переводом, он стал им помогать, – скорее всего, по рекомендации Фюттерера. Начиная с этого времени Лисснер присутствовал на всех допросах Люшкова. Дознания с бывшим высокопоставленным членом советского военного руководства шли в присутствии члена редакции «Ангриффа». За это время Люшков был перемещен в штаб японских войск в Корее, однако из-за того, что он раскрывал глубочайшие секреты советской политики и вооруженных сил, в конце июня его отправили в Токио. Там его поселили в шестикомнатных апартаментах при Министерстве сухопутных войск и создали более чем комфортные условия проживания, и Люшков начал выкладывать все подробности внутренней кремлевской жизни. В то время осложнились советско-германские отношения, и Люшков долго рассказывал об оборонительной стратегии СССР. Затем разговор сконцентрировался на разведтематике.

В соответствии с устной договоренностью между адмиралом Канарисом и японским послом в Берлине Осима, Япония и Германия, связанные Антикоминтерновским пактом, обязывались обмениваться информацией об СССР. Канарис сделал Осима запрос. Он послал в Токио полковника Грайлинга (Greiling), специалиста по России из 2-го отдела государственного военного разведуправления, а до его прибытия приказал военному атташе германского посольства в Токио подполковнику Шоллю (Scholl) вести дознание с Люшковым. Однако Шолль не говорил по-русски, и здесь знаток языков Лисснер снова выходит на сцену. Но и после прибытия Грайлинга, владевшего русским, немцы не могли отказаться от услуг Лисснера, присутствовавшего еще при начале допросов в Цзичуни. День за днем Лисснер слушал откровения Люшкова, который был близок Сталину. Он действительно был хорошо осведомленным человеком. Он знал дислокацию советских войск на Украине (место его прежнего назначения) и в Сибири, обладал сведениями о вооружении, оснащенности и секретных радиосообщениях. Точно помнил имена командиров дивизий и соединений ВВС; помимо этого, имея представления о секретных советских расстановках, излагал подробности о слабостях и уязвимых моментах советских вооруженных сил. Люшков рас-

крыл для антибольшевистски настроенного Лисснера много интересного, а именно: существование в Красной Армии оппозиционной группы.

Информация о внутреннем положении в СССР сыпалась из Люшкова как из рога изобилия; каждый день японские и германские специалисты пополняли запасы своих сведений. Переводчики записывали на ежедневных допросах по 40 страниц. Ежедневно же записи размножались Генштабом в пяти экземплярах. Германская сторона, естественно, присоединилась к дознанию; полковник Грайлинг снимал с Люшкова также и отдельные допросы. В таких случаях приходилось прочитывать сотни страниц предыдущих записей. Тогда в работу снова включался Лисснер, слушал и записывал. Те данные, которые он никогда бы не смог получить официальным путем, он записывал в собственной маленькой записной книжке. Это положило начало тайным запискам Лисснера, исключительно благодаря которым он смог в дальнейшем легко включиться в разведывательную деятельность.

С помощью опыта работы в Министерстве сухопутных сил в Токио он приобрел доверие японских офицеров, которые рассказывали этому немцу, японскому протеже, о своих планах и желаниях. Результат сотрудничества японских офицеров и Лисснера проявился в его журналистской работе. Друзья Лисснера позволили ему добиться первого успеха. Благодаря ему Лисснер заработал в Японии и в особенности среди японских военных репутацию весьма осведомленного человека. Славу Лисснеру принесла публикация содержания интервью с Люшковым, устроенного для него японскими военными. 21 июля 1937 г. Лисснер послал из Осаки телеграмму в редакцию «Ангриффа». Это было «Эксклюзивное интервью о подробностях сенсационного побега Люшкова и его причинах, данное им самим» (такое название было без изменений помещено на первой странице «Ангриффа»). В продолжение Лисснер послал авиапочтой отчет о допросах Люшкова. Там говорилось: «Функции, которые исполнял на Дальнем Востоке генерал Люшков, были чрезвычайно значительными. Соответственно, причины, толкнувшие его на такой шаг даже ценой потери своей карьеры, неизбежно должны были быть очень весомыми».

9. Инцидент Чжангуфэн и Лисснер. В это время благодаря секретным кодам, выданным Люшковым, японские разведорганы получили возможность читать содержание всех радиogramм Красной Армии. Квантунская армия, самое боеспособное японское соединение, перехватило 6 июля следующее сообщение. Советское командование, расположенное в Посьете, на границе Сибири с Маньчжурией, сообщало генерал-лейтенанту Соколову, командующему сухопутными силами, находившемуся в Хабаровске, что Красной Армии следует занять одну из высот вблизи границы с неопределенной государственной принадлежностью. Немедленно после этого советские разведывательные самолеты появились в небе над Чжангуфэн, являвшейся чрезвычайно важной стратегической высотой, располагавшейся в треугольнике на стыке границ Маньчжурии, Кореи и Сибири, с которой

просматривалась советская бухта Посьет. 11 июля советские войска начали захват Чжангуфэн. Японское командование Квантунской армии решило контратаковать, что и сделало 31 июля. Однако прогнать Красную Армию не удалось, она хорошо обороняла высоту. Офицеры связи японского штаба пригласили Лиснера в район Чжангуфэн в качестве фронтового корреспондента. Немец Лиснер был весьма радушно встречен японским офицерством; даже редакции крупнейших японских газет – «Асахи», «Майнити», «Емиури» – помещали отчеты о военных действиях на основе его репортажей. Им приходилось запрашивать у него сведения, настолько ценными они были. Даже американское телеграфное агентство UP прибегло к помощи Лиснера; будучи первым журналистом на театре военных действий, он несколько недель мог в одиночестве следить за развертыванием событий в Чжангуфэн. Столкновения прекратились в середине августа с заключением дипломатического договора о Чжангуфэн как нейтральной территории.

12 августа (т.е. в день прекращения боевых действий) Лиснер послал в «Ангрифф» следующее сообщение. «До вчерашнего дня Чжангуфэн был настоящим адом». «Советская полевая артиллерия непрерывно обстреливала всю территорию. Несколько секунд тишины, и вновь с обеих сторон летят снаряды, осколками от которых корежились деревья на сопках». Боевой опыт еще более усилил доверие к нему со стороны офицеров союзнической Японии. Он писал: «Хотелось бы отобразить ту непреклонность, с которой японцы, даже впервые участвовавшие в бою, встречали град советских снарядов. Неизбежность разгрома СССР, предсказывавшаяся в Токио, здесь становилась совершенно очевидной» («Ангрифф», 21.12.1938).

Лиснера опьянило ощущение победы, которое он еще не испытывал в жизни ни разу. Он пользовался доверием в японских военных кругах, писал для крупнейших мировых изданий; наконец, даже в германском посольстве влиятельные лица желали встречи с ним. Лиснер часто посещал германского консула в столице Маньчжурии Синьцзине Вагнера (Wagner), устно информируя его о ходе действий в Чжангуфэн, и отчеты о его сообщениях отправлялись и в Токио. А уж высоким руководителям в Берлин эти сообщения отправлял германский посол в Японии Ойген Отт (Eugen Ott).

Журналиста, способного оказывать подобное же влияние, на тот момент не существовало. Японский генштаб особо подчеркнул это, устраивая его пресс-конференцию в Пекине. Более 60-ти японских корреспондентов собрались на нее, признавая, что немец Лиснер собирал информацию гораздо успешнее элиты японских СМИ. Владевшее им чувство победителя было очевидно для всех. Один японский журналист спросил: «Можно ли определенно сказать, что в Чжангуфэн японские войска выстояли против советских?» Лиснер ответил: «Советские войска не могли сдержать контратаку японских. Если бы тогда Советы добились успеха во втором наступлении и вновь захватили бы плацдарм, мы не смогли бы удержаться на Чжангуфэн». Вопрос задал другой корреспондент: «В таком случае вы подтверждаете

верность информации, передававшейся нашими газетами?» Лисснер утвердительно кивнул. Лисснер промолчал и не сказал о том факте, что советские войска первыми захватили Чжангуфэн. Дорожившие доверием Лисснера японские военные не дали ему возможности удостовериться в том, что советские войска раньше них дошли до Чжангуфэн.

Японские военные разрешили Лисснеру продолжить прерванное в июне путешествие. На лодках, лошадях, а иногда на автомобиле он прошел по нехоженным путям Северной Маньчжурии; «где-то на протяжении восьми месяцев бродил и плавал вверх и вниз по малоизвестному Амуру, находясь под прицелом советских войск, бывал в непроходимых дебрях североманьчжурской тайги» и все это подробно описал. Приблизительно в августе Лисснер выступил из Харбина и направился на север, дойдя до Амура, на одном берегу которого стоял советский город Благовещенск, а на другом – китайский городок Хэйхэ. Поднявшись вверх по Амуру, он добрался до самого севера Маньчжурии, затем повернул назад и несколько недель шел по тундре. Вернувшись в Харбин, он отправился на северо-запад, пройдя оккупированную Японией Внутреннюю Монголию и добравшись до Монгольской Народной Республики, находившейся под протекторатом СССР. Наконец, в середине января 1939 г. Лисснер отправился в Японию на корабле «Кокурю-мару», и на всем пути японские офицеры старались сделать все возможное для своего немецкого гостя – Лисснера. Он писал: «Я познакомился с японскими офицерами и солдатами, вместе с ними бродил по нехоженным тропам вдоль Амура, был на заснеженных полях Северной Маньчжурии, на линии фронта у Чжангуфэн и у Желтой реки Хуанхэ, и везде оценивал их очень высоко. Особенно впечатляющим было их спокойствие, мужественность, готовность с легким сердцем встретить свою смерть». Главнокомандующий Квантунской армией генерал Уэда объяснял Лисснеру основы наступательной политики; затем он отправился на самый дальний край земель, занятых Японией – границу с Монголией – вместе с пехотным подполковником Такаки. Офицеры из секретного отряда «Лотосовый пруд», выполнявшие тайную миссию, показывали Лисснеру документы с грифом «Совершенно секретно». Он писал: «Капитан Екои дал мне ознакомиться с отчетом о беженцах из Внутренней Монголии. Большинство из них исповедовало ламаизм; их уход объяснялся сильнейшими гонениями на сторонников этого мировоззрения в Советской России». Вскоре Лисснер обнаружил, что попал в место, идеальное для сбора сведений о советских секретах. Маньчжурия, оккупированная Японией с 1931 г., ставшая затем императорским государством Манчжоу-го, находившимся под японским протекторатом, как магнитом притягивала тех, кто желал разгрома СССР или, по крайней мере, ослабления его силы. Это были и японские военные, и беглецы из России, и белогвардейцы. Противостояние Японии и СССР, вспыхивающие военные действия, – все это концентрировалось в Маньчжурии. Именно здесь лежит причина того, что журналист Лисснер приобрел в Маньчжурии

максимально возможное количество источников информации. Разумеется, им двигал не один профессиональный интерес, но также глубоко засевшая в нем ненависть к коммунизму. Он не забыл ужаса дней, проведенных в Риге после падения царизма. Приехав на советскую дальневосточную границу в 15 000 км от Риги, он увидел, что и здесь необходимо противостоять коммунизму; это было не что иное, как его, так сказать, второй опыт. Обобщая сообщения советских граждан-перебежчиков, аналитические отчеты японских офицеров и объяснения русских, спасшихся из СССР, он не мог не прийти к выводу, что миссия Японии состоит в том, чтобы разгромить Советский Союз. Будучи твердо в этом убежден, Лисснер совершенно неверно истолковывал агрессию Японии против Китая как войну антикоммунистического толка. «Самая глубокая, базисная причина японско-китайского конфликта, скрытая от глаз лежит в плане Японии построить от северного Китая до Монголии непреодолимый для Советской России стену». Такое крайне ошибочное суждение, пусть даже до некоторой степени и возникшее под воздействием пропагандистских идей японских военных, происходило из чрезмерной веры самого Лисснера в предсказываемый им разгром Советского Союза. Как он с горячностью писал, «я часто слышал от японских военных, что авантюристическая группировка в советском ГПУ, побуждаемая жадой к распространению коммунистической революции, планируют второй инцидент Чжангудэн. Если это произойдет, японские войска смогут полностью разгромить Советы. Тогда, как говорили мне русские беженцы, все мертвые призраки коммунизма будут окончательно разбиты. Сколько миллионов простых людей, сколько миллионов так называемых «троцкистов» ожидают этого конца! Конца, который вернет миру отторгнутую от него колоссальную экономическую зону. Конца, после которого в миллионы церквей вновь вернется ныне поглощенный злодействами, пожарами и пьянством бог. Разгром коммунизма принесет с собой этот конец. Я видел эти церкви, когда путешествовал по Амуру: разрушенные, с выбитыми окнами. Хотя бы ради самоуважения надо помочь людям, а эти церкви привести в порядок».

Полностью захваченный этой убежденностью, он решает остаться на Дальнем Востоке. Кто доверил ему это, кто определил такие жизненные планы? «Ангрифф» не командировал на Дальний Восток постоянного корреспондента. То есть орган Геббельса не мог обеспечить Лисснеру даже минимального жизненного вспомоществования. В этой связи Лисснер, в котором жил неугасимый интерес к Дальнему Востоку, вернулся в начале 1939 г. в Германию для поиска более серьезного спонсора. В апреле или немногим ранее он предстал перед адмиралом Канарисом в его берлинском разведуправлении. Лисснер и Канарис познакомились еще в 1938 г., когда первый читал лекции высокопоставленным офицерам разведки, так что теперь они встретились как старые знакомые. Канарис и его начштаба Ханс Остер (Hans Oster) являлись руководителями разведуправления национальных воору-

женных сил и одновременно тайно возглавляли антигитлеровскую группировку в германской армии; в статьях журналиста Лисснера, публиковавшихся в «Ангриффе», они оценивались очень высоко. Со своей стороны германское разведуправление читало дальневосточные отчеты Лисснера и было решительно настроено на то, чтобы принять к себе на работу этого человека, столь осведомленного о ситуации в Японии.

Возможно, сейчас это кажется странным, но тогда подобная работа не представляла собой ничего из ряда вон выходящего. Практически все разведорганы, интересовавшиеся Дальним Востоком, вместо того, чтобы посылать из центра в неведомые земли профессиональных шпионов, полагались на местных журналистов, гораздо лучше разбиравшихся в обстановке. На германскую разведку работали Рудольф Вайзе (Rudolf Weise), глава токийского корпункта «Дойчес Нахрихтенбюро», Вольф Шенке (Wolf Schenke), шанхайский корреспондент «Фелькишер Беобахтер». Рихард Зорге из «Франкфуртер Цайтунг» работал на СССР, Мелвилл Джеймс Кокс (Melville James Cox) из «Рейтера» – на английскую разведку. Сокурсник Лисснера, капитан ВВС Вернер Шульц (Werner Schultz) работал в германском разведцентре; через него Лисснер получал официальные задания. Отец Лисснера в то время был связан с антинацистской консервативной группой; он поспособствовал поступлению сына в разведуправление. Вероятно, отец знал, какую важную роль в подготовке антинацистского переворота играет небольшая группа офицеров германской разведки. Сам Лисснер также интересовался такого рода деятельностью. Однако не думается, что в то время между ним и разведорганами установилось полное единодушие. И Лисснер нашел себе другого спонсора. Он стал корреспондентом главного партийного и государственного органа «Фелькишер Беобахтер».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Опубликовано на японском языке в «Вестнике исследований по общим проблемам («Сого кэнкюдзе хо») НИИ Момояма гакуин» / Пер и коммент. А.Г. Фесюна. – 1990. – Т. 16. – № 1. – Ч. 1–3.
- (2) Яп. токубэцу токко кэйсацу, букв.: «специальная «высшая» полиция», образована в 1911 г.; далее – токко.
- (3) Яп. екохама дзикэн. Серия репрессивных действий, предпринятых тайной полицией в Йокогаме против журналистов во время Второй Мировой войны. Сперва был арестован Хосокава Кароку за написание предположительно прокоммунистической статьи для журнала «Кайдзо»; затем, в соответствии с положениями Закона об охране общественного спокойствия (яп. тиан идзи хо, от 1925 г., пересмотрен в 1941 г.), между 1942 и 1945 г. были арестованы и помещены в тюрьму более 30 журналистов, большинство из которых сотрудничали в журналах «Кайдзо», «Тюо корон» и издательстве «Иванами сетэн». В июле 1944 г. были запрещены «Кайдзо» и «Тюо корон». Обвинения против журналистов оказались совершенно безосновательны, и к концу войны ни один из них не предстал перед судом; тем не менее, трое умерли от жестокого обращения в тюрьме. Остальных освободили вскоре после окончания войны. Дело известно также как «инцидент Томари»; на-

звание взято от города в префектуре Тояма, где родился Хосокава, где он и его товарищи встречались, предположительно строя планы по возрождению коммунистической партии Японии. Сюжет романа Исикава Тацудзо «Тростник под ветром» («Кадзэ—ни соегу аси», 1949–1951) основан на событиях этого инцидента.

- (4) День, когда в Японии было объявлено об окончании войны.
- (5) *Mader J. An Geheimer Front.* – Berlin, 1987.
- (6) *Lissner I. Vergessen, aber nicht vergeben.* – Frankfurt a M./Westberlin/Wien, 1970.
- (7) *Lissner I. Mein gefährlicher Weg, Vergessen aber nicht vergeben, Bearbeitung und Nachwort von Heintz Höhne, 1975. Droemersch Verlaganstalt Th. Knauer Nachf München/Zurich.*
- (8) *Lissner I. Mein gefährlicher Weg, Vergessen aber nicht vergeben, Bearbeitung und Nachwort von Heintz Höhne, 1975. Droemersch Verlaganstalt Th. Knauer Nachf München/Zurich.*
- (9) Относительно побега Г.С. Люшкова из СССР, совершенного 13 июня 1938 г., см. следующие исследования: *Есиаки Х. План покушения на Сталина (Сутарин ансацу кэйкаку).* – Токио, 1978; Нисино Синкити. Загадочный перебежчик – Люшков (Надзо-но бомэйся Рюсикофу). – Токио, 1979.
- (10) *Kuusinen A. Gott stürzt seine Engel* (русский перевод: Господь низвергает своих ангелов: Воспоминания, 1919–1965. – Петрозаводск, 1991).
- (11) *Werner R. Sonja's Rapport.* – Berlin, 1984.
- (12) Цит. по: *Юлиус Мадер.* Репортаж о докторе Зорге. – Берлин, 1988. – С. 294.

LISSNER – MIRROR IMAGE OF SORGE

A. Fesyun

Department of Civilizational Development of the East
School of Asian Studies
National Research University – Higher School of Economics
Maly Tryokhsvyatitelsky per., 8/2, Moscow, Russia, 109028

The biography of Ivar Lissner is presented. He worked in the Far-East in the 1930s and 1940s and actually repeated the fate of the Soviet Military Intelligence officer Richard Sorge.

Key words: Lissner, Germany, fascism, Japan, USSR, intelligence, Abwehr, Richard Sorge, Manchuria, China.